

Рассказ об этих событиях в западносибирском крае начну с небольшого экскурса в историю его автора Василия Мрочковского. Для зачина придётся пояснить, как и почему его отец поляк Ян Мрочковский оказался в Сибири и превратился там в Ивана Петровича МрАчковского. А его родившиеся уже в Сибири дети были записаны под этим обрусённым древним родовым именем.

Дед, младший сын Петра Вацлава Мрочковского, главного смотрителя Варшавских учебных заведений, в 21 год был призван на обязательную воинскую повинность в царской России. Для граждан Царства Польского она обычно упрощалась службой ратника государственного ополчения¹. Это было время нескончаемых польских волнений, особенно острых после подавления восстания 1863 года. Впрочем, всегда, на протяжении всего периода владычества России над Польшей, они были и нескончаемыми, и острыми.

Взбунтовалась и рота, в котором служил дед. Бунт уняли, а его участников – в Сибирь, кого по этапу, кого на поселение. В числе последних был и Ян Мрочковский.

*Ян Мрочковский.
Фото 1897 г., за год до
высылки в Сибирь*

¹ Ян Мрочковский в 1897 г. служил ратником ополчения 2-й очереди (из записи в его дневнике). «Ратник – в России имперского периода – солдат государственного ополчения (запаса Вооружённых сил). Ратниками считались военнообязанные запаса 2-й и 3-й очереди, существовали до 1917 года». Источник: Википедия.

По прибытию к месту назначения – Томская губерния, ст. Сокурь Сибирской ж.д. – он был зарегистрирован под именем Иоанн (вскоре упрощённом в Иван) Петрович Мрачковский. Однако до конца жизни подписывал свои письма и фотографии фамилией в польском написании – Mroczkowski. Впрочем, и дети вначале писали её также – о чём свидетельствует надпись, сделанная рукой моего отца на дореволюционном семейном снимке.

По следам дневника дедушки.

Прибыл в Сибирь 12 августа 1898 года. Занимался столярной и прочей разной работой в поселке Новониколаевском до конца мая 1899 г. С 1-го июня начал искать должность. 1-го сентября был принят на временную службу Сибирской ж.д., где проработал до 10 ноября того же года. А затем опять был направлен на станцию Сокурь. Там служил с 10 февраля 1900 г. по 23 июля 1903 г. Уехал на станцию Литвиново, там два месяца снова подрабатывал столярной работой. В конце 1903-го поступил десятником на Анжерские копи Сибирской ж.д...

Между этими переездами-пересылками дедушка успел жениться на проживавшей на станции Сокур Анастасии Фёдоровне (18.12.1883 – 25.10./07.1921, Анжеро-Судженск) из рода сибирских промышленников Паниных. Отец её, конечно же, воспротивился этому браку с политическим ссыльным. Но Анастасия сбежала из дома, и влюбленные тайно обвенчались. Со временем отец простил молодых. Именно ему зять и был обязан должностью десятника на одной из принадлежавших Панину кемеровских шахт. Судя по всему, на этом и закончились благодеяния богатого тестя.

Венчание состоялась 27 апреля 1901 г. в единственном во всей околии храме Сошествия святого Духа на Апостолов,

возведённом в 1864 г. в селе Барлакское (ныне с. Барлак). Плодом неземной любви Иоанна с Анастасией (по словам их старшей дочери Нины) стали девять детишек, один за другим появлявшихся на свет: пятеро сыновей и четыре дочки. Начиная с их первенца Василия, родившегося 21 февраля /5марта 1902 г. ст. Сокур Томского уезда Томской губ., как записано в его метрике... Но Провидение оказалось безмилостным к сыновьям – рано забирало их к себе: Дмитрий и Николай умерли в грудном возрасте, восьмилетний Владимир утонул, купаясь в пруду возле шахты. А сама прекрасная Анастасия, сломленная гибелью 3-х сыновей¹ и внезапно развившейся болезнью, стала быстро угасать...

В ноябре 1919 г. Василий и его школьный друг Ваня Носков (в будущем управляющий кеме-

*Анастасия Фёдоровна
Мрачковская*

¹ Пятый сын Константин Мрачковский, родившийся 25.12 1916 г., также погиб в восемнадцатилетнем возрасте в 1934 г. во время пожара дома, в котором он, будучи студентом, жил вместе со старшими сестрами-студентками Еленой и Валентиной Мрочковскими. Спасая сестер, сам погиб под горящей балкой, обрушившейся на него. Поджог совершил бывший владелец дома, предварительно подперев входную дверь бревном.

ровской шахты «Центральная»)¹ были арестованы «за пропаганду большевизма». *Началась она с лозунгов: За нашу светлую свободу! Да здравствует социализм! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! В борьбе обретёшь ты право своё!* Парни-шахтёры с запалом выкрикивали их на сходках своего «Кружка молодёжи» и развешивали на дверях и стенах помещений.

Это был период анархического безначалия в Сибири – власть переходила из рук в руки: к эсерам, кадетам, большевикам, белым... После прихода последних в Томскую губернию *«белогвардейская контрразведка и чехи теперь полные хозяева. Слово большевик стало запретным словом. Каждый день кого-нибудь арестовывают, порят. Вечерами – осадное положение. На работу ходим с пропусками»*, – записал 17.9.1918 в своём дневнике Василий. 29.8.1919

¹ Иван Иванович Носков (18.04.1901– 23.11.1936), школьный друг Василия Мрачковского, позднее управляющий шахты «Центральная» Кемеровского горнорудного р-на, на которой 23.09.1936 г. произошёл взрыв метана. 27.09.1936 г. Носкова арестовали по обвинению в подрыве газа, якобы специально подготовленном им и группой его сообщников из «контрреволюционной вредительской организации, исполнявших инструкции троцкистов и германской разведки». Дело рассматривалось 19–22 ноября 1936 г. в Новосибирске выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР. Участников приговорили к высшей мере наказания, приведённой к исполнению на следующий же день – 23.11.1936. К делу был привлечён и главный инженер шахты Иван Емельянович Коваленко (1901 – ноябрь или декабрь 1936), после окончания процесса осуждённый на 10 лет пребывания в Челябинском концлагере, но вскоре расстрелян там же. И.И. Носков был женат на сестре Василия Нине Ивановне Мрачковской (03/15.06 – 14.07.1987, Энгельс), которая 21.09.1937 г., через год после расстрела мужа, тоже была арестована и отправлена на 8 лет в концлагерь Мордовии. И.Е. Коваленко 14.09.1935 женился на другой сестре Василия Елене Ивановне (20.05.1912–18.10.1997, Нижний Новгород), 21.09.1937 г. она тоже была осуждена сроком на три года. Все осуждённые по Кемеровскому процессу посмертно реабилитированы в 1958 г.

отметил: «Все наши кружки молодёжи ликвидированы... по воскресеньям собираемся у костров... зародилась мысль организовать драмкружок, профсоюз нас поддерживают...» 1.11.1919: *В библиотеке проводим читку пьесы «Тернистый путь»¹. Скоро будем ставить в народоме».*

А через несколько дней, 12 ноября, после премьеры спектакля главных его участников арестовали. Среди них были и Василий с Иваном Носковым. Приговор за пропаганду большевизма был по-военному прост: **Расстрел!** Обезумевшая от горя Анастасия вместе с матерью Носкова бросилась искать защиты у адмирала Колчака, поезд которого уже был на подступах к Новониколаевску. Сквозь ночную ноябрьскую стужу они домчались до ставки Верховного правителя и Главнокомандующего Сибири. Анастасия пала пред ним на колени, со слезами моля его пощадить несовершеннолетних парнишек. Растроганный её отчаяньем адмирал милостиво распорядился освободить юнцов из-под ареста.² Во время бешеной ночной скачки к Колчаку Анастасия простудилась. Острое воспаление лёгких перешло в быстротечную чахотку. *В три часа утра 25 июля 1921 г. Анастасия скончалась...* — лаконично отметил в своём дневнике дедушка.

Что было дальше и чем это кончилась...

Колчак недолго находился в Новониколаевске — в ночь на 5 декабря 1919 г. адмирал покинул город, устремляясь в Иркутск, где в растерянной бездеятельности пребывала часть его правительства. Но было уже слишком поздно... В конечном счёте, там адмирал и был расстрелян на рассвете 7

¹ Сакен Сейфулин (1894–1938) — казахский поэт и писатель, автор книги «Тернистый путь» и пьесы «На путь счастья» (1917 г.)

² В протоколе 1-го допроса Мрачковского В.И. от 11.01.1938 г. отражен его ответ на вопрос: «Каким репрессиям подвергался? — В 1919 г. милицией Колчака за большевизм».

февраля 1920 года вместе с председателем Совета министров Российского правительства В.Н. Пепеляевым. По распоряжению Иркутского военно-революционного комитета, возглавлявшегося большевиками, их тела, брошенные в прорубь реки Ушаковка, притока Ангары, были унесены подводным течением...

24 декабря 1919 года войска 5-й Красной армии снова вступили в Новониколаевск. Воцарилась *наша светлая свобода*, к которой так стремился Василий вместе со своим отцом десятником шахты Иваном Петровичем.

Вдохновенные строки о заре свободы на Анжерских копях из дневника сына:

Утро 20 декабря 1919 г.

Туман поднялся. Выглянуло солнце. Засверкал свежий снег.

Казалось, бараки выпрямились, лихо заломив свои крыши-папахи.

Тихо...

Но вот из-за горы показалась конница. На копьях – красные флажки, на папахах седоков красные ленты. Едут шагом и поют.

На полотнище лозунг:

Мы путь земле
укажем новый,
Владыкой мира
станет труд!

Закипела новая жизнь. Семнадцатилетний электрик Василий и его товарищи-шахтёры привычными к кайлу *мозолистыми руками* взялись за перо и с энтузиазмом описывали её в шахтёрской газете «Коммуна»:

«Только советская власть – самая справедливая власть на земле. Только в той стране, где власть в руках пролетариата, хорошо рабочим и крестьянам».

Здесь, на шахтах, родились первые рабкоры. Одним из них был Василий Мрачковский. Со временем журналистика стала его профессией. Начал публиковать свои зарисовки и рассказы в газетах и журналах Новониколаевска, куда он переехал в 1922 г. на должность электрика в один из его пригородных районов.

Его сразу же заметили. Охотно печатали.

*«В 1925 в журнал «Профессиональное движение» пришел рабочий-журналист и писатель В.И. Мрачковский».*¹ *«Работал журналистом в газетах «Вечерний Новосибирск», «Советская Сибирь», в журнале «Сибирские огни». В конце 1920 – начале 1930 гг. (если судить по реплике некоего Л.Ченч² в рецензии «Неверные мысли» на первую книгу отца «Шахтёр Глыба», 1931 г.), местом его штатной работы была газета «Советская Сибирь». А затем – «Сибирские огни», вероятно, с начала 1933 г., когда журнал стал органом Западносибирского оргкомитета Союза советских писателей.*

Василий Мрачковский. Фото конца 1920-х годов

¹ Ежемесячный журнал краевого профсоюза — Сиббюро ВЦСПС «Профессиональное движение» (1921–1939).

² Псевдоним *Л. Ченч* ныне опознан – под ним скрывался Л. Чернович. Его имени не обнаружила ни в списке журналистов Новосибирска, ни в списке его писателей. Так что никакими сведениями о нём не располагаю. Одно бесспорно – их, лакеев нового режима, было немало.

Уточнить эти сведения мне помогли документы о «Новосибирской областной писательской организации Союза писателей Российской Федерации», *имеющиеся на хранении* в Госархиве Новосибирской области, – «О Мрачковском Василии Ивановиче, новосибирском писателе и журналисте» (фонд Р-1597) – более трёх десятков дел на 121 листе. В результате сложной иерархической переписки с сотрудниками ГКУ НСО ГАНО¹ я стала обладательницей их электронных копий. Рассекреченные после Перестройки архивные материалы свидетельствуют: Василий Мрачковский не только был редактором журнала «Сибирские огни» и кандидат-членом Новосибирской писательской организации, но и являлся одним из активных её создателей. Однако события, предшествовавшие его аресту 6 ноября 1937 г. (в канун 20-летия Октября, ознаменованного чекистами богатым уловом «врагов народа»), упредили присвоение ему статуса действительного члена Союза писателей.

В этой небольшой зарисовке о Василии Мрачковском могу представить лишь малую толику архивных документов, полученных мною из спецхрана КГБ. Вместе с материалами его отца Ивана Петровича Мрачковского, хранившимися за теми же семью печатями, они так и просятся в сюжет семейной саги. О самом же дедушке замечу пока лишь вскользь: сначала его исключили из партии «за связь с врагами народа»² (а ими стали его зятья И.И. Носков и И.Е. Коваленко³ – руководи-

¹ ГКУ НСО ГАНО – эта сложная аббревиатура расшифровывается как ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ (ныне – «Государственный архив Новосибирской области»).

² В имеющемся на хранении в Государственном архиве Новосибирской области [фонд П-3 «Западно-Сибирский краевой комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)»] содержится персональное дело Мрачковского Ивана Петровича на 15 листах.

³ См. о них выше – примечание 1 к стр.18.

*Василий Мрачковский с супругой Верой Дмитриевной
в Доме отдыха писателей в Крыму*

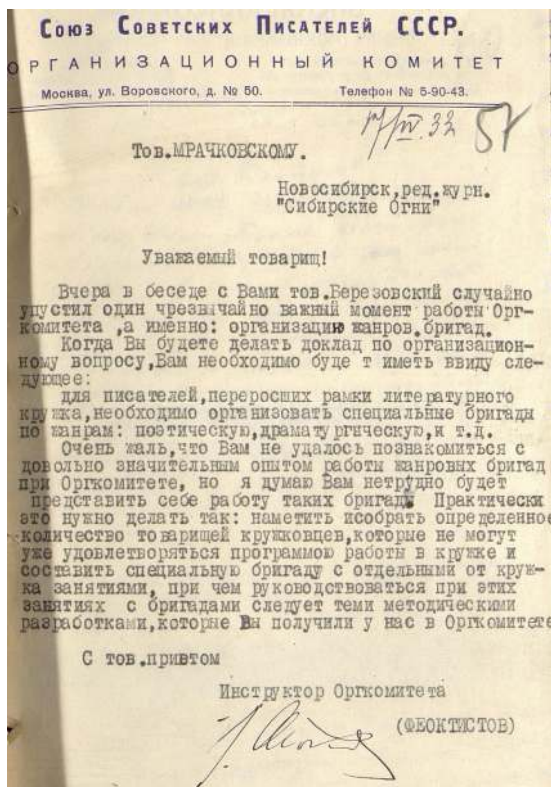
тели Кемеровских шахт), затем уволили с работы и вскоре арестовали. Но закалённый борец за справедливость решил искать её у «дорогого нашего учителя и лучшего из лучших друзей трудящихся всего мира» – написал письмо Сталину с просьбой о «совете и помощи». Друг трудящихся откликнулся – прислал в обком партии указание «Разобраться по справедливости». Там разобрались. И освободили деда из каталажки. Оказывается, случались и такие фантазмагории.

Не удивляйтесь и не судите строго, с позиций сегодняшнего времени, этих людей, наивно веривших в справедливость большевистских идей. И осознанно пришедших в партию – через изучение марксистской литературы, через собственный нелёгкий жизненный опыт.

Долгая дорога привела туда того же Ивана Петровича Мрачковского – моего деда. Высланный при царе в Сибирь,

он долго скитался в поисках работы. Столярничал, имея за плечами среднее гимназическое образование. Хватался за любую подёнщину. Радовался, когда, наконец, устроился шахтёром на Анжерские копи – как-никак постоянный заработок, чтобы кормить ежегодно растущую семью... Вместе с детьми приветствовал приход к власти большевиков. Довольно долго приглядывался к ней и только в 1932 г. вступил в партию. Через год после старшего сына...

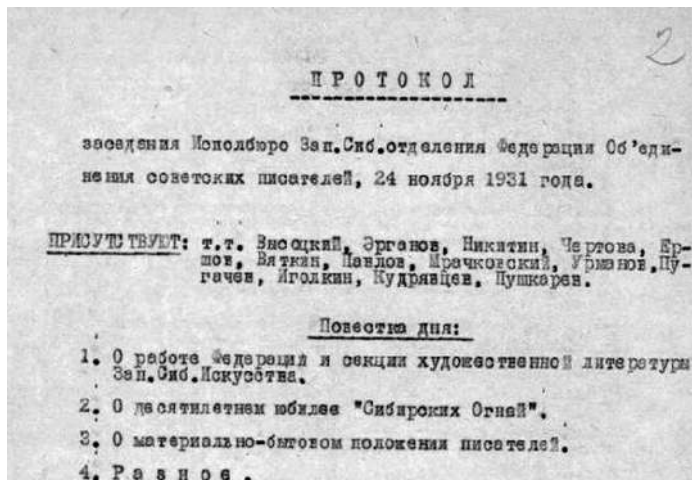
Однако пора представить и документальные свидетельства «одиссеи» самого Василия.

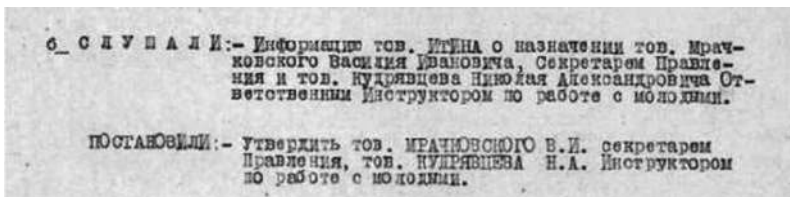
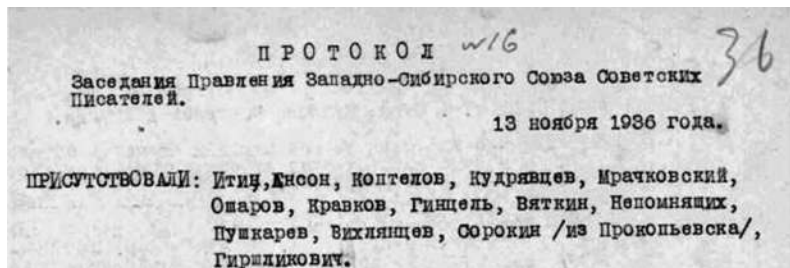
Документ 1-й:
Письмо товарищу Мрачковскому В.И., Новосибирск, редактору журнала «Сибирские Огни» от инструктора Оргкомитета Союза Советских Писателей СССР, 17.04.1933 г.

Подобных инструкций – письменных и очных через вызовы в Москву по местонахождению СП – немало в Деле В.И. Мрачковского.

Документ 2-й: Из протокола заседания Зап. Сиб. Оргкомитета Союза Советских Писателей от 24.11.1931-го:

Документ 3-й: Из Протокола № 16, 1936 г.

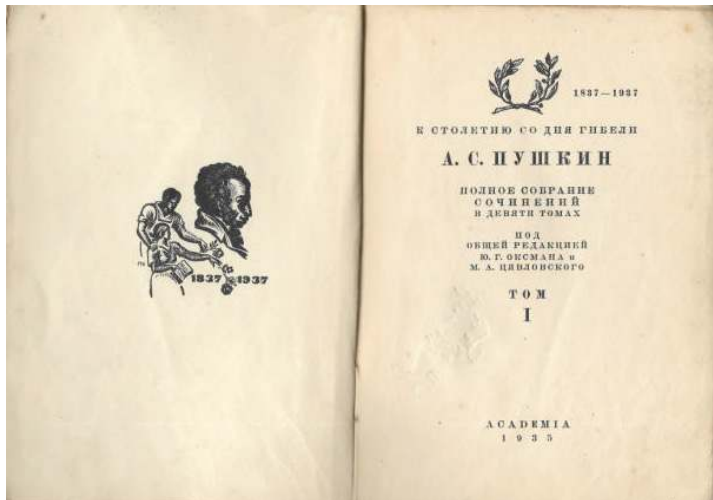

Не могу не упомянуть и о хранящемся в Деле В.И. Мрачковского Плате мероприятий Зап. Сиб. Союза Советских

Писателей, составленном им по чествованию 100-летия со дня гибели А.С. Пушкина. Утверждён Правлением ССП 21/X-36 г. (фонд Р-1597, оп.1, дело 45).

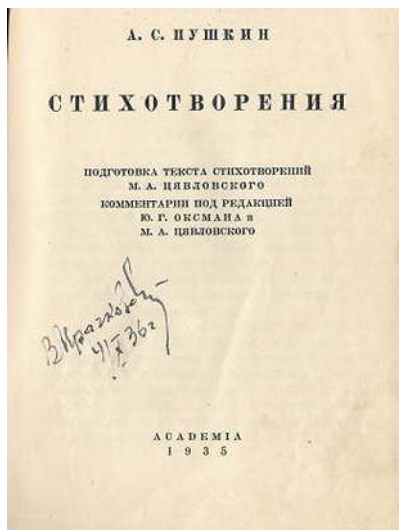
Этот документ несказанно обрадовал меня. В какой-то степени объяснял забавный эпизод перед памятником Пушкину в Москве в день 110-летия его гибели. Когда худенькая девочка, стоявшая в большой толпе почитателей поэта, вдруг восторженно воскликнула: «Когда вырасту большой, я обязательно...» – не договорила, смутившись любопытного взгляда солидного мужчины. А тот с улыбкой спросил её: «И что же вы сделаете, милая барышня?» Она не ответила, стыдливо ретировавшись за спину подружки. Неизречённые ею слова означали: ...посвящу себя изучению жизни и творчества Пушкина. Они оказались провидческими.

Вероятно, отцовскую любовь к Пушкину породили во мне ещё в детстве чудом сохранившиеся (из бесследно исчезнувшей после ареста отца его огромной библиотеки) восемь томов «Карманного Пушкина» – полного собрания его

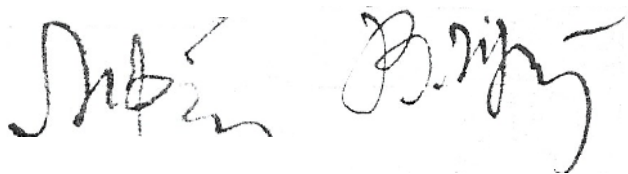
сочинений в девяти томах с комментариями, под редакцией Ю.Г. Оксмана и М.А. Цявловского. Оно выпускалось издательством «Academia» к столетию гибели поэта. Первые шесть томов вышли в 1935-м, издание последних трёх растянулось на два последующих года. 9-й том не обнаружился в библиотеке отца – видимо, он так и не дождался его выхода...

На втором титульном листе – дата его приобретения и подпись отца. Подлинная. Столь разнящаяся с той поддельной, которой был подписан последний сфабрикованный протокол допроса отца с его «признаниями». Не случайно закавычиваю это слово. Потому что ни ордера на его арест, ни следствия как такового, т.е. санкционированного прокурором, ни признаний предъявляемых ему обвинений «*об активном участии в контрреволюционной правотроцкистской террористической организации и проведении борьбы против партии и советской власти*» – не было и не могло быть.

Титульный лист с подлинной подписью Мрачковского В.И.

Поддельные подписи отца в следственных протоколах под т.н. признаниями:

Я уже упоминала о моей переписке с Управлением КГБ по Новосибирской области, завязавшейся после присланных мне в августе 1969 г. трёх справок по делу отца: от 13.06.1958 г. о пересмотре военным трибуналом Сибирского военного округа дела по обвинению В.И. Мрачковского; отмене приговора от 17.10.1938 г., о полной его реабилитации и прекращении дела. В одной из справок перечислялись изъятое при аресте: 24 книги отца, 12 тетрадей его дневников, фотоальбомы, рукописи, личные документы, в их числе и удостоверение об окончании 1 курса Литературного института, студентом которого отец стал вскоре после основания его в 1933 году по инициативе Максима Горького как Вечернего рабочего литературного университета. Завершить его не успел по той же причине – насильственного ухода из жизни...

В 1995 г., после перемен в России, я возобновила атаки на Федеральную службу безопасности РФ, повторяя свою неизменную просьбу – вернуть изъятые вещи отца, но получая в ответ столь же неизменное – «Ничего не сохранилось». И вдруг получаю ошеломляющее сообщение: *«Вы можете ознакомиться с уголовным делом в отношении реабилитированного Мрачковского В.И. в Приемной Управления ФСБ РФ в Москве...»* Более того, присылку дела из Новосибирского архива КГБ не только приурочили к моему приезду в Москву из Софии, но даже разрешили принести с собой портативный ксерокс и нам с сыном откопировать его там же, в приёмной.

Как тут не воздать Осанну: О, благодатные перестроечные времена! Благодатные хотя бы тем, что мы наконец-то смогли узнать истину о своих отцах, матерях, братьях и сёстрах!

Истина оказалась горькой: поняв неубедительность формулировок о причастности В.И. Мрачковского «к контрреволюционной шпионско-диверсионной группе, созданной в Новосибирске польскими разведывательными органами», к июню 1938 г. чекисты сами «сколотили» эту диверсионную группу, причислив к ней кроме В.А. Мрачковского ещё 4-х арестованных граждан польского происхождения: **Язвинский** Владимир Адамович, 1887 г. рожд., поляк, гр-н СССР, уроженец г. Минска, потомственный дворянин, в 1933 г. арестовывался ОГПУ за контрреволюционную деятельность, журналист, проживал в г. Новосибирске; **Домбровский** Сергей Францевич, 1884 г. рожд., поляк, гр-н СССР, уроженец г. Киева, бывший дворянин, сын подполковника, служащий, в 1919 служил в армии Колчака бригадным писарем. До ареста работал юрист-консультантом Горсовета г. Новосибирска; **Зданович** Константин Владимирович, 1884 г. рожд., поляк, гр-н СССР, уроженец г. Томска, в 1932 осужден по ст.58-7-10 УК РСФСР, по суду выслан на 5 лет в Восточную Сибирь, срок отбыл. Работал горным штейгером Облместпрома г. Новосибирска; **Волховский** Николай Николаевич, 1905 г. рожд., русский, гр-н СССР, уроженец г. Одесса, УСССР, сын дворянина, в 1933 в г. Москве осужден по ст. 58-6 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы, срок отбыл. До ареста работал экономистом швейной мастерской № 2 г. Новосибирска.

Всем участникам мнимой диверсантской организации было предъявлено то же обвинение, что и отцу: *участие в новосибирской шпионско-диверсионной группе*, которое якобы заключалось в сборе сведений по расположению воинских частей по городам Новосибирской обл., Алтайского края

и даже Казахской ССР, о количестве и местах дислокации аэродромов воинских, осоавиахимовских и гражданского воздухофлота, о предприятиях оборонного производства, о стратегическом значении Чуйского тракта, количестве и состоянии автотранспорта в Чуйском дортрансе и пр. и пр.

20 июля 1938 г. был проведён второй – он же и последний – допрос *обвиняемого* Мрачковского, но уже на основании «свидетельств» новых арестованных «членов группы». Ответом на вопросы были лаконичные «признаю, выполнял» или же абсурдные – несомненно позже вставленные в протокол – в якобы проводимой им шпионской работе в течение **1935–1938** гг. Сочинители этого сфабрикованного допроса, записанного старательным ученическим почерком, даже не утрудили себя проверкой даты его ареста – 6 ноября 1937 г., означавшей, что в 1938 г. подсудимый уже не мог заниматься «контрреволюционной деятельностью». Именно под этими «показаниями» и стоят выше воспроизведённые поддельные подписи Мрачковского. После допроса всех «участников группы» следствие было прекращено и передано на рассмотрение Тройки УНКВД Новосибирской области. Её постановлением от 17 октября 1938 г. все участники *шпионского заговора* приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Хотела бы обратить внимание читателей на прелюбопытное совпадение: в тот же день, 17 октября 1938 г., такой же приговор был вынесен и главному редактору «Сибирских огней» В.А. Итину, арестованному 30 апреля 1938 г. – через полгода после отца (о его причастности к делу Мрачковского речь пойдёт ниже). Не потому ли и «товарища Итина» сначала привлекли как участника той же шпионской группы в пользу польской разведки?! Но позже, вероятно, осознав бессмысленность сего обвинения, гебисты изменили формулировку – *в пользу Японии*. Однако приговор ему, как и «участникам

польской разведки», был приведён в исполнение также через четыре дня – 21 октября 1938 г. «*Место захоронения В.И. Мрачковского, к сожалению, неизвестно*» – отмечено в одном из сообщений, полученном мною 4.09.1995 г. из управления ФСБ по Новосибирской обл.

Таков трагический финал жизни, с молодых лет посвящённой борьбе «За нашу светлую свободу!», приход которой Василий приветствовал юношески восторженным четверостишием:

*Здравствуй, юный, неизвестный,
Здравствуй, витязь молодой!
Что несёшь ты, гость чудесный,
Что таишь за дальней мглой?*

Кабы знал, кабы ведал он, что эти «Витязи» долгожданной свободы принесут с собой в Россию совсем непроглядную мглу!

*Перекур и редакционная вычитка гранок. В. Мрачковский 3-й справа.
Фото из семейного архива потомков Нины Мрачковской-Носковой*

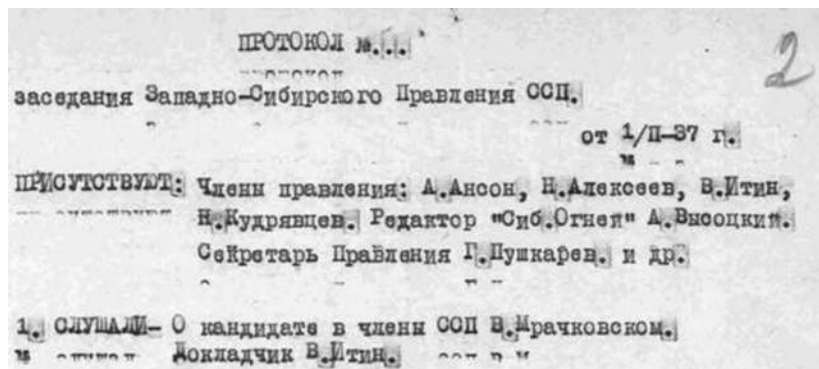
Постскриптум

Вот так по сусекам помела, по амбарам поскребла и собрала информацию об отце. Белое пятно в творческой биографии отца помогли устранить, как ни прискорбно это звучит, прежде всего документы по его делу, долгое время хранившиеся в закромах КГБ под грифом «Секретно».

Остаётся добавить к жизнеописанию отца ещё несколько фактов. И важнейший из них – в то, ещё не выявившего себя во всей полноте время – исключение из ВКПб. Протокол, подтверждающий этот факт, в новосибирских фондах КПСС не выявлен, как следует из полученного мною сообщения № 253-Т от ГКУ НСО ГАНО от 14.04.2015.¹ Подтверждение сего зловещего для советской эпохи факта обнаружила в Протоколе допроса Мрачковского В.И. от 2 июня 1938 г. На вопрос следователя: кем, когда и за что он был исключён из ВКПб обвиняемый ответил: – Исключён Октябрьским РК ВКПб г. Новосибирска 26 декабря 1936 г. *«за притупление бдительности, выразившейся в том, что мой зять – муж сестры Носков Иван Иванович работал управляющим шахтой в Кемерово и осужден как враг народа, с которым я имел связь. Это явилось основанием для моего исключения из партии»*. А 1-го февраля 1937 г. было созвано чрезвычайное заседание Западносибирского правления Союза СП. Можно не сомневаться – состоялось оно по указанию... нет, не партии – в этом деле она была всего лишь промежуточным звеном, а точнее – верноподданным всемогущего ЧК.

¹ Сообщение ГКУ НСО ГАНО от 14.04.2015 № 253-Т: «В фондах **П-579** («Первичная организация Коммунистической партии Советского Союза Западно-Сибирского книжного издательства Государственного Комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли») и **П-581** (Первичная организация Коммунистической партии Советского Союза Новосибирской областной писательской организации Союза писателей Российской Федерации») сведений о Мрачковском Василии Ивановиче не выявлено».

О дальнейшем рассказывает черновик Протокола, сохранившийся в Фонде Р-1597 Новосибирской областной организации Союза писателей РСФСР.

В повестке дня – один единственный вопрос, сформулированный предварительно – лишение В.И. Мрачковского статуса кандидата в члены Союза советских писателей. С обоснованием этого решения выступил главный редактор «Сибирских огней» В.А. Итин,¹ тот самый достопочтенный Вивиан Азарьевич, который всего лишь два с половиной месяца назад на заседании того же новосибирского Правления ССП предложил утвердить его Секретарём кандидатуру Мрачковского, выдвинутую им самим.

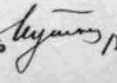
Обоснование нового решения? – Извольте:

¹ Итин Вивиан Азарьевич (06.12.1893 /07.01.1894 – 21 или 22.10.1938) – журналист, писатель, с 1934 г. главный редактор журнала «Сибирские огни», председатель правления Западно-Сибирского объединения писателей, был делегатом Первого съезда Союза писателей. 30 апреля 1938 года Итин арестован по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Постановлением «тройки» УНКВД Новосибирской области 17.10.1938 был приговорён к расстрелу. Не позже 22 октября приговор был приведён в исполнение. 11 сентября 1956 г. В.А. Итин был посмертно реабилитирован с формулировкой «за отсутствием состава преступления».

Как член партии В. Мрачковский представлял собой одного из тех «простофилен», о которых с негодованием писала «ИЗВЕСТИЯ». Два зятя Мрачковского, одного из которых он считал своим другом, оказались злейшими врагами царода, троцкистами-вредителями. Один из них расстрелян, другой осужден на 10 лет лишения свободы. ^{В. Мрачковский} ^{и его зять} ^{Мрачковский} ^{были исключены} ^{из партии} ^{за попытку} ^{скрыть} ^{истинное} ^{политическое} ^{значение} ^{ареста} ^{троцкиста-вредителя} ^{Носкова} ^{являющегося} ^{зятем} ^{Мрачковского}, за несообщение о привлечении по тому же кемеровскому процессу контрреволюционеров и вредителей и троцкистов второго зятя, а так же и о том, что на квартире у ~~Мрачковского~~ Мрачковского вместе с Носковым останавливался троцкист Шубин, за проявление неискренности в своих объяснениях при разборе дела, выразившаяся в сомкках на забывчивость и якобы непонимания политического значения дела.

Постановление ~~партизумы~~ утверждено Октябрьским Райкомом ВКП/б/.

ПОСТАНОВИЛИ: Исключить В. Мрачковского из кандидатов в члены ССР и Литфонда.

Председатель ИТИН/ Секретарь ПУШКАРЕВ

Нет надобности комментировать, а тем паче выяснять подоплёку сего единодушного решения. Единственный риторический вопрос к авторам подобных деэписаний, так и рвущийся с языка, вопреки здравому смыслу: – Неужели литератор, ещё недавно восхваляемый как талантливый, подающий большие надежды очеркист за два с половиной месяца сумел превратиться в автора «не оправдавшего оказанного ему доверия». Пожалуй, такое по силам только оборотню. Остаётся лишь решить, кто из участвовавших в этом деянии был таковым?

Позволю себе несколько реплик, поясняющих и до некоторой степени оправдывающих поведенческую реакцию иногда

даже весьма порядочных людей на зловещую круговерть 1930-х годов.

Критическую рецензию Л. Ченча «Неверные мысли» на первую книгу Василия Мрачковского – повесть «Шахтёр Глыба» следует воспринимать как чуткую реакцию на знамение времени – наступление сталинизма.¹

«Еще ранее, с 1929, под влиянием укрепляющегося сталинизма, в журнале («Профсоюзное движение») шла политизация содержания, началась резкая политическая критика А.М. Топорова печатной продукции советских издательств и т.п...»²

Это типичное для любого деспотического режима явление зародилось в советской России значительно раньше – ещё в начальный период ленинизма. О чём публикация от 02.11.2017 Константина Голодяева, сотрудника музея города Новосибирска, озаглавленная «Трудовые праздники «1920 год»: В сибирских городах окончательно установилась советская власть. Идёт ликвидация последних очагов тифа, формирование новых органов управления. Газета «Советская Сибирь» постоянно цитирует вождя пролетариата В.И. Ленина. Особое внимание — молодёжи. В заголовках звучит тема выборов – **«Ни одного голоса предателям рабочего класса, ни одного голоса меньшевикам и эсерам!»**.³

С укреплением сталинизма старое орудие революционеров – террор против *контрреволюционной деятельности классовых врагов* – вновь, с бешеным ускорением, было пущено в ход. Слабые духом не выдерживают – превращаются в оборотней. Сильные становятся «простофилями». Но по большому счёту, и те и другие – жертвы режима.

¹ Л. Ченч «Неверные мысли» («СО», 1932, № 2–3; – С.123–125).

² Цитата из Интернет-публикации «Журналисты Новосибирска».

³ Опубликована на сайте «Советская Сибирь» <http://www.sovsibir.ru/news/165340>

Задаюсь вопросом: В чём же сущность очерков Василия Мрачковского, сначала восхваляемых, издаваемых отдельными книгами, а затем подвергшихся суровой каре – вплоть до изъятия их из библиотек страны?!

Список отцовских изданий – сохранившихся, неуничтоженных и возвращённых из закрытых спецфондов – мне любезно прислал ещё в конце июня 2005 г. д.и.н. Сергей Андреевич Папков.¹ Привожу этот перечень вместе с отрывком из его письма:

«По поводу Ваших вопросов могу сказать, что смотрел дело Василия Мрачковского в УФСБ (но там и Ваши пометки). Книг у них никаких не осталось. Однако в областной библиотеке Новосибирска удалось найти несколько интересных Вас изданий Василия Мрачковского. Вот их список:

1. На лесах Кузнецкстроя. – Новосибирск, 1931. – 71 стр.
2. Соревнование гигантов Кузнецкстрой – Магнитострой. Новосибирск, 1931. – 31 стр.
3. Шахтер Глыба. Повесть. – Новосибирск, Запсиботделение, январь 1932. – 46 стр.
4. Крепость культуры. Очерки о строительстве Новосибирского театра. Рукопись прочитана ИТР и ударниками стройки. – Новосибирск, Западно-сибирское краевое из-во, 1934. – 64 стр. с иллюстр.»

Не решаюсь сама ответить на собственный же вопрос о достоинствах произведений Василия Мрачковского из опасения быть обвинённой в пристрастности. Сошлюсь на статью «На

¹ Папков Сергей Андреевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора общественно-политического развития Института истории СО РАН. Тема его докторской диссертации (2000 г.) «Советская репрессивная политика в Сибири в 1928–1941 гг.». По просьбе светлой памяти Леонида Соломоновича Трус – председателя Новосибирского общества «Мемориал» содействовал в поиске материалов о В.И. Мрачковском. За что выражаю ему огромную благодарность.

почве ревности и любви» новосибирского критика, литературоведа Владимира Николаевича Яранцева (опубликована в журнале «Сибирские огни» (№10 – октябрь 2004). Её подзаголовок «Сибирское литературоведение: вчера, сегодня, завтра» и привлёк моё внимание возможностью взглянуть глазами современного литературоведа на вчерашний день сибирской литературы. И особенно очерковедения. Приведу из этой статьи одну цитату, содержащую суть ответа на мой вопрос:

«Очерк 30-х годов не был ни рассудочным, ни приземлённым. Его отличала глубокая связь с общественными перспективами социализма, устремлённость в будущее, романтическая окрыленность. Он донёс до нас праздничную атмосферу эпохи строящегося социализма... Таковы, например, очерки М. Никитина, вошедшие в книгу «Второй гигант», или В. Мрачковского «Кузнецк металлургический». Глубокий исследователь этого жанра, Л. Якимова отмечает ещё одну особенность очерка 30-х годов, сближающую его с прозой: «В очерковой литературе тех лет сложился даже свой композиционный канон, продиктованный стремлением некоторых писателей представить исследуемый и живописуемый объект непременно в трех измерениях, начать с экскурса в прошлое – кончить проникновением в будущее».

Все эти «особенности» характерны и для очерка В.И. Мрачковского, который представляю на суд читателей. Им я и задаю вопрос: А не пора ли Новосибирскому отделению Союза писателей России вернуть в свои ряды и тех, кто был вышвырнут из них лихолетьем?

Не хотелось бы на этих в общем-то минорных размышлениях поставить последнюю точку в повествовании о жизни отца?! Разве она завершена? Разве не продолжена в его ныне развесистом роде? Разве не была освещена Счастьем? Пусть и не долгим, но ставшим вечным Маяком для заблудивших-

*Время потрепало этот снимок,
но не могло стереть главного –
«Счастья» Веры и Василия*

ся в пути Веры, Надежды и Любви.

В возведенном на московском Щербинском кладбище семейном мемориале, где покоятся реально захороненные здесь Вера и её мать Анна Николаевна Рожковская, установлены и две памятные доски невинно убиенным Василию и его тестю Дмитрию Ивановичу Рожковскому, расстрелянному в том же 1938 г. лишь за то, что его зять был «врагом народа».

*Общий вид семейного памятника.
Скульптор Александр Дяков
(Болгария)*

*Памятная доска
В.И Мрачковскому*

А ведь в ту пору – 1935 год, когда был сделан этот снимок, казалось бы, ещё ничто не предвещало этой счастливой семье Мрачковских такого печального будущего.

Верхний ряд (слева направо) сестра Нина с мужем Иваном Носковым, сестра Елена, Надежда Рожковская – сестра Веры) 2-й ряд: дедушка Иван Мрачковский, Василий Мрачковский с дочерью, Соня – сестра Веры, Вера Мрачковская; нижний ряд – Людмила – дочь Носковых

Очерк «Город на угле» написан на основе дневниковых записей, ведомых в течение 1916–1934 годов молодым сибирским журналистом и убеждённым – в ту пору – «пролетарским писателем» Василием Мрачковским. Биографические сведения неразрывно переплетены с историческими событиями, пропущенными через судьбу самого автора – Революция 1917-го, Гражданская война и установление Советской власти в Сибири. Благодаря чему очерк приобретает значение документа. В этом и одно из главных его достоинств. Публикацию подготовила его дочь Светлана, волей судьбы ставшая Балашовой, но подписывающая свои работы именем Мрочковская-Балашова с достоверным написанием родовой фамилии.